

**Школа общины
с Хулианом Карроном**

18 ноября 2015 г.

Милан

Школа общины с Хулианом Карроном
Милан, 18 ноября 2015 г.

Текст: Л. Джуссани. Признать Христа // Х. Каррон. Присутствие во взгляде

- *La guerra*
- *Give me Jesus*

Слава...

Определенные действия станут для нас сообразными моменту только в том случае, если мы по-настоящему сознательно произносим или поем те или иные слова. Лишь тот человек, который действительно осознал, о чем мы пели в первой песне («собственными силами / я никогда не смогу установить справедливость») или во второй, не воспринял тексты как нечто сентиментальное, благочестивое, ханжеское, как украшательство, никак не связанное с проблемами сегодняшнего дня. В прошлый раз, начав говорить о лекции «Признать Христа» (запись которой была показана во время последних упражнений Братства), мы решили сосредоточить внимание на методе Бога. Как я могу отследить его? Благодаря соответствию, которое позволяет мне признать присутствие Тайны. Мне кажется, события минувшей недели предоставили нам возможность проверить это, поскольку теракты во Франции – самый серьезный вызов методу Бога из всех, что мы в состоянии вообразить. Школа общины не существует в отрыве от парижских фактов, и мы не можем устроить тут этакий «междусобойчик» и не соотносить себя со случившимся. На этот раз просто не можем. Согласны?

Парижские события меня бесконечно потрясли. Во мне зародился ужас, обесценивший все, что произошло со мной за несколько часов до теракта, все прекрасное, что я видела или переживала в последующие дни, вплоть до сегодняшнего вечера. Я напугана, и словно нет больше никакого смысла ни в моих желаниях, ни в работе, ни в дружбе. Страх внезапной смерти, осознание того, что «жизнь каждого из нас висит на волоске», как ты написал в сообщении для печати, не позволяет мне испытывать в эти дни хоть какую-то радость. Как я смогу теперь переживать прекрасные моменты, когда перед моими глазами – семьи, раздавленные смертью близких? И у меня возникает вопрос: в чем моя вера?

И как ты на него ответила? В чем твоя вера?

Не знаю.

Так ищи ответ! Некоторые факты не позволяют нам продвигаться вперед, пока мы не зададимся подобными радикальными вопросами.

Вот уже два дня, как я не нахожу себе места. Сказать, что события в Париже стали для меня вызовом, – значит ничего не сказать. К моему собственному удивлению, во мне сейчас преобладает чувство усталости, мне все докучает. Вчера меня по-настоящему разозлил поток комментариев, суждений и сообщений, и я думала только обо одном: ну хватит уже, помолчите наконец! Мне казалось, все слова, которые уже сказаны или которые еще можно сказать, были не более чем попыткой заполнить пропасть. Все казалось недостаточным перед лицом произошедшего. Я удивилась, когда в субботу вдруг решила прочитать утреннюю молитву. В одном из псалмов говорилось: «Не даст Он поколебаться ноге твоей, не воздремлет хранящий тебя. <...> Господь – хранитель твой; Господь – сень твоя с правой руки твоей. <...> Господь сохранит тебя от всякого зла; сохранит душу твою». И тогда у меня со всей неотвратимостью

возник вопрос: действительно ли я во все это верю? Верю ли я в слова псалма, несмотря на случившееся? Этот вопрос не отпускал меня и вспыхнул с новой силой на воскресной мессе во время чтения Евангелия: «Даже волос с головы вашей не пропадет». Вот что поразительно: каждый день той недели был для меня шагом вперед на пути роста, и я ощущала себя живой. Затем наступила пятница, произошли теракты. Я не могу сказать, что они поставили под сомнение предыдущий опыт, и доказательство тому – моя первая реакция на новости (я прочитала молитву «Metorare»). Однако чувство несоизмерности и собственной беспомощности не оставляет. Я понимаю, что самое важное – ответ на вопрос, возникший у меня в субботу утром: способна ли моя вера устоять при таком землетрясении? И как моя повседневная жизнь связана с подобными событиями?

Способна ли вера устоять перед подобными событиями? Мы можем читать псалмы, ходить на мессу, петь, как в начале нашей встречи. Но устоит ли все это перед лицом истории? Мы – не только другие, но и мы в первую очередь – не в состоянии избежать таких вопросов.

Услышав о терактах в Париже, я был ошеломлен. Беспричинное насилие, вероятность того, что то же самое может произойти со мной, с моими близкими или друзьями, пробудили во мне чувство беспомощности. Я прекрасно знаю (из истории вообще и из личного опыта), насколько неэффективны и зачастую неправильны ответы, которые могу в сложившейся ситуации предложить я или любой другой человек. Необходимо, чтобы Кто-то нас спас. Однако самое большое потрясение связано с тем, что моя вера пошатнулась. Кажется, Тот, Кто обещал нам спасение, в конечном итоге не побеждает, кажется, зло (в том числе и мое) всегда торжествует. Как же тогда быть? На что еще надеяться? Имеет ли еще значение захватывающий рассказ Джуссани о первой встрече учеников со Христом, породившей великую надежду на спасение?

А вы сами отвечаете на ваши вопросы? Или вы просто задаете их и бровью не ведете? Неужели в вас при этом ничего не переворачивается?

Каждый ищет какой-нибудь ответ.

И пока ты ищешь, что-нибудь приходит в голову? Попробуй!

Попробую. В эти дни я задал вопрос не только тебе, но и друзьям, и некоторые из них...

Важно, чтобы начался путь. Пробуй дальше!

Мой вопрос преобразился в молитву, а точнее, в вопрос, обращенный напрямую к Нему. Мне стало просто необходимо получить ответ. И действительно, сейчас во мне преобладает желание блага, покоя, справедливости, желание увидеть наконец землю, в которой «текут молоко и мед». Уже в воскресенье утром я пошел на мессу чуть менее безвольно и бессознательно, с большим вниманием. И там я различил некоторые знаки, как, например, в псалме: «Восстань, Боже, и приди спасти народ Твой», – или в Евангелии, когда Иисус рассказывает о том, что произойдет в последние дни: «Когда же начнет это сбываться [войны, землетрясения, восстания, события, как в Париже], тогда восклонитесь и поднимите головы ваши, потому что приближается избавление ваше». В эти дни я начал больше искать отношения с Ним, ходить на мессу, приступать к исповеди. Но все же в глубине души я по-прежнему задаюсь вопросом: когда же наконец мы будем спасены?

Я уверен, что этот вопрос тебя не оставит. Почему? Надеюсь, ты не надеешься легко от него отделаться? Слава богу, что в глубине души остается вопрос! И мы должны считаться с ним. Апостолы тоже спрашивали, тоже задавали вопросы, но было ли у них что-то большее, нежели любая форма молитвы религиозного человека? Одна подруга рассказывает: «Пишу тебе из Парижа. Спасибо за твои слова. В последнее время я все больше осознавала, что моя жизнь висит на волоске, но в пятницу вечером, пока я бежала по парижским улицам, это стало очевидно. Проверка, которую ты нам предлагаешь, вновь распаивает меня. Мне было страшно, и я боюсь, что страх вернется, однако вызов, брошенный тобой, твое предложение проверить веру и реальность Воскресения призывают меня идти до самой сердцевины событий». В этом-то вся суть: какой бы вызов ни вставал перед нами, он отсылает нас к такой проверке веры. О том же говорит и другой человек, который тоже живет в Париже: «Последние дни были глубоко отмечены произошедшим, но я вдруг понял, что не знаю, о чем говорить. В лучшем случае я произносил натянутые, несколько “движенские”, но при этом пустые фразы. У меня возникла потребность вынести суждение о том, что случилось. И я спросил себя, во-первых: какое обещание счастья может подтолкнуть человека к подобным действиям? И во-вторых: как победить искушение страхом? Становилась все более очевидной потребность в смысле. Нужно жить с каким-то смыслом. И я этот смысл встретил. Но как признать Его присутствие перед лицом случившегося, перед лицом охватившей меня пустоты, зла – моего и других людей, нетерпимости, одолевающей меня с некоторых пор? Как признать Христа, Который и является смыслом, присутствующим в реальности?» Мы Его встретили, но, когда происходят события, как в Париже, эта встреча кажется пустой, словно сотканной из воздуха. Еще один человек спрашивает: «Могу ли я признать Его один раз и навсегда?» Мы не в состоянии «закрывать» подобные вопросы каким-нибудь религиозным утверждением или какой-нибудь цитатой, этого недостаточно. Тут методу Бога и нашему опыту брошен серьезнейший вызов. И поэтому вопрос, который становится все более насущным, звучит следующим образом: что побеждает в сложившейся ситуации?

«Напору власти, которая диктует свою политику, Христос противопоставляет не другую власть, а непритязательное человеческое сообщество, сообщество людей, избранных Им для того, чтобы Его присутствие никогда не исчезло во времени и пространстве. При помощи этого сообщества Он, как говорится в одной прекрасной образной фразе отца Джуссани...»

Не воспоминание, не цитата, не мысль, не чувство, а реальное присутствие.

«Он пядь за пядью отвоевывает землю у ночи» (Х. Каррон. «Глазами твоими смеется небо – странное, не твое». С. 5).

«Он пядь за пядью отвоевывает землю у ночи».

Эта мысль особым образом вспомнилась мне в субботу вечером. Я ехала в машине на ужин, чтобы петь там, и вдруг у меня возник вопрос: почему в такой день мы поем? Это глубоко несправедливо. Было бы глубоко несправедливо, если бы наше пение не рождалось от нашего осознания самих себя как «непритязательного человеческого сообщества», с помощью которого «Он пядь за пядью отвоевывает землю у ночи». В понедельник утром я все начала с начала с этим новым сознанием: походы в больницу, работу над дипломом, сдачу экзаменов. Каждое самое незначительное телодвижение, каждый малейший жест любви, которым я могу свидетельствовать о Нем, станет Его шагом во мне, который позволит «отвоевывать пядь за пядью землю у ночи». Сейчас, перед лицом охватывающей меня боли, этот путь представляется мне единственным подходящим способом борьбы. В последние дни я чувствую себя на месте инженеров и архитекторов, о которых говорит отец Джуссани (ср. Признать Христа // Х. Каррон. Присутствие во взгляде. С. 64–66). Я пыталась возвести собственный мост: читая

одну за другой новости, листовки, вступая в бесконечные разговоры. Потом я подумала о прожитых годах, о каждом дне, о каждом лице, которое я встретила. Я уже видела Его в действии. И наконец, только такое суждение позволяет мне дышать полной грудью: приди, Господи, потому что я не в состоянии построить этот мост.

Спасибо, дорогая. Недостаточно обращения к прошлому, недостаточно цитат. «Потом я подумала о прожитых годах, о каждом дне, о каждом лице, которое я встретила [подумала о «непритязательном сообществе»]. Я уже видела Его в действии. И только такое суждение позволяет мне дышать полной грудью». Так рождается молитва: приди, Господи Иисусе! Почему? Потому что есть разница между новостями, листовками, разговорами (всеми этими бесполезными попытками построить мост) и «непритязательным человеческим сообществом»! Вы чувствуете разницу? Разницу обеспечивают не наши усилия, а нечто реальное, нечто присутствующее. Проблема в том, что часто, когда происходят подобные события, они словно ставят на этом крест. У учеников было что-то большее? Нашли ли они что-то, от чего уже больше не могли отделаться, оторваться, какие бы события ни происходили? Или же они оставались во власти обстоятельств, как и все остальные? Будьте внимательны, проблема не в последовательности, не в соответствии. Ученики не были лучше нас, давайте не будем возвращаться к заезженному морализму и делить людей на тех, кто лучше и кто хуже. Уверенность веры не в этом!

Проснувшись в субботу утром, я начала готовиться ко дню открытых дверей в моей школе. Это важное событие, и поэтому я решила повторить мое выступление о работе с ребятами. Муж рассказал о том, что произошло. Я открыла Интернет, потому что его слова казались сюрреалистичными, мне нужно было увидеть их написанными черным по белому. Я была полностью раздавлена и подумала: о чем я собираюсь говорить в школе и зачем, если на нас надвигается ничто? Потом я вспомнила о ребятах, с которыми вплоть до пятницы готовила день открытых дверей. Мы вместе читали различные тексты, и ключевым моментом на нашем пути стал вопрос пастуха из стихотворения Леопарди: «Что я сам?» В ходе работы ребят поразили некоторые писатели, у них возникли подлинные вопросы о жизни и ее смысле. Я видела, как во встрече с текстами и авторами в моих учениках пробуждалась человечность. Для них жизнь положительна, они всерьез задаются вопросом о смысле, но при этом живут в виду положительного горизонта и поэтому правы. Осознав это, я поняла, что должна пойти в школу, чтобы поддержать их, чтобы утвердить существование положительности – в школе, в преподавании, в отношении между взрослым и ребенком. Я чувствую, что воспитание в вере – единственный способ противостоять ничто. Больше всего меня поражает, что я признала это в момент, когда я сама не в порядке, когда моя вера слаба, когда меня переполняют путаные мысли. И все же я уверена: единственная наша надежда – в порождении нового субъекта. Я не говорю, что сама на такое способна, но, опираясь на окружающую меня компанию, хочу рискнуть. Новая человечность создается во встрече со Христом, и я желаю заботливо взращивать этот хрупкий цветок, который кажется ничем в сравнении с бомбами, и все же он существует. Мне не хотелось бы превратиться в нациста из истории, рассказанной Эльзой Моранте, который, будучи связанным, вырвал цветок зубами. Я хочу всегда признавать Его победу здесь и сейчас.

Есть искушение спрашивать себя: зачем что-то делать, если на нас надвигается ничто? Если мы бездействуем, то ничто и правда надвигается. Однако, слава богу, оно не надвигается настолько, чтобы полностью списать нас со счетов, и поэтому ты начинаешь смотреть на происходящее в реальности, в отношении с ребятами, и осознаешь, что «должна пойти в школу, чтобы поддержать их, чтобы утвердить существование положительности». Так ты понимаешь: «воспитание в вере – единственный способ противостоять ничто», подходящему все ближе. Откуда рождается это понимание? Только от уверенности, в силу которой ты можешь сказать, что «единственная наша надежда – в порождении нового субъекта». Почему?

Я больше двадцати лет преподавала греческий и латынь в частном лицее, и вот в сентябре я перешла в государственную школу и взяла курсы итальянского языка и истории. Эти перемены оказались для меня крайне любопытными. Я очень любила мои предметы и мой лицей, но, когда открылась другая возможность, я подумала, что определенный период моей жизни подошел к концу, и с воодушевлением решила взяться за другое дело, в котором предчувствовала немало новизны. Люди, с которыми я встречаюсь теперь, очень отличаются от тех, что окружали меня раньше. Каждый день я захожу в класс из двадцати восьми-тридцати учеников, многие из которых по крайней мере однажды оставались на второй год, многие происходят из семей с различными проблемами социального и культурного характера. Некоторые из моих учеников – иностранцы и не понимают итальянский... Вплоть до июня я исполняла обязанности вице-президента учреждения, где работало не больше дюжины преподавателей. Теперь же я новенькая в коллективе из по крайней мере восьмидесяти учителей. Возвращаясь к событиям последних месяцев, я понимаю, что они были для меня неоценимым богатством. Особенно меня поразили два эпизода. В одном из классов я предложила ученикам коротко описать себя. Один из них, заваливший экзамены, начал сочинение со следующего вопроса: почему, если красота мира состоит в его многообразии, в нем есть столько отвратительного? Вначале он попытался привести аргументы, а затем начал говорить о себе, о своей борьбе со всем миром. В завершение он написал, что мы как конструктор «Лего»: можно поменять цвет или размер деталей, но сделаны они все из пластика. Меня поразило, с какой ясностью этот ученик высказывал свою точку зрения. Когда я проверила сочинения, его не интересовала оценка, он только спросил, понравилась ли мне его работа. Этот вопрос застал меня врасплох, поскольку, несмотря на его утверждения, я ощутила, что текст выражает неискоренимую потребность, такую же как у меня: быть любимыми, найти способ быть счастливыми. Я ответила, что сочинение мне очень понравилось, и спросила, не хочет ли он в этом году вместе со мной попробовать увидеть, что жизнь прекрасна. К моему удивлению он сказал, что готов принять вызов, хотя и не очень в это верит. В другом классе мне никак не удавалось добиться тишины, и я обратилась к ученику, шумевшему больше остальных, но не для того, чтобы в очередной раз отругать, – я ему улыбнулась. Он сразу же остановился и повернулся к друзьям, говоря: «Видели? Учительница любит меня». Это и есть та искра, о которой ты нам говоришь? По-моему, да. Я не знаю, куда заведут «процессы», которые я начала, но пока что искра вспыхнула прежде всего во мне, я ее заметила и приняла во внимание. Мне кажется, я в полной мере пережила на опыте то, о чем ты, цитируя отца Джуссани, говорил на Дне начала года: «Опыт есть столкновение субъекта с реальностью – с реальностью, которая, будучи присутствием, призывает его и ставит перед ним вопросы («проблематизирует его»). Человеческая драма заключается в ответе не такую проблематизацию (в «ответственности»), а ответ этот порождается в субъекте. Сила субъекта состоит в интенсивности работы его самосознания, то есть восприятия им ценностей, определяющих его личность [того, что ему дороже всего]. Эти ценности проистекают в “я” из прожитой истории, которой “я” принадлежит <...>. Радикальная гениальность субъекта состоит в силе сознания принадлежности» (Х. Каррон. «Глазами твоими смеется небо – странное, не твое». С. 8–9). Было интересно заметить это, улыбаться таким образом, не заботясь о том, как найти подходящие слова или установить “правильные отношения” с учениками и коллегами. Такое стало возможным благодаря самосознанию, которое я обнаружила в себе и которое родилось благодаря жизни и отношениям, ее составляющим. Меня зацепили слова папы, произнесенные им в Вашингтоне: «Пойдите на скрещения дорог, пойдите... и возвестите без страха, без предубеждения, без высокомерия <...> всем тем, кто утратил радость жизни, пойдите и возвестите им милосердное объятие Отца. <...> Пойдите и возвестите, что последнее слово в жизни человека никогда не будет за ошибками, обманчивыми иллюзиями, непониманием. Пойдите, неся в руках бальзам, успокаивающий раны и укрепляющий сердце» (23 сентября 2015 г.). Это не программа действий, а подтверждение того, что произошло в первую очередь со мной. Кроме того, трогательно понимать, что нет человека,

начиная с меня, не желающего и не ищущего secretum illud, о котором говорит отец Джуссани, и что все так или иначе пытаются возвести мост, способный связать их с тем, что они ощущают как возможность удовлетворения, пусть даже далекую. Я первая желаю проделать этот путь, поскольку понимаю, что он возможен только благодаря Присутствию в настоящем, и я нуждаюсь в том, чтобы каждое мгновение вновь замечать его, даже если сейчас оно является мне, например, в тишине на уроках, которой мне гораздо труднее добиться, чем раньше.

Это молчание, достигнутое с большим трудом, – хрупкий цветочек. Даже подросток с таким чутким сознанием («мы все из пластика») не может не спросить: «Вам понравилось мое сочинение?» От этого вопроса рождается готовность к проверке. Вроде бы мелочь, но от нее зависит исход всей игры. Это единственный возможный реализм – как реализм Иоанна и Андрея. Но мы чересчур самонадеянны, и потому нам кажется, что его слишком мало. И все-таки именно он меняет все.

Прочитав в субботу сообщение для печати, я в очередной раз ощутила, насколько то, что ты нам говоришь, соответствует моей собственной непосредственной реакции перед реальностью, от которой потом я отхожу в сторону. Меня поразили твои слова, потому что мне было страшно, я чувствовала мою полную незащищенность, но все разговоры были о другом. И я тебе очень благодарна, поскольку смогла взглянуть на страхи и на чувство незащищенности как на то, что помогает мне заметить Христа. Я была настолько поражена сообщением для печати, что сразу же послала электронную версию всем моим ученикам и коллегам. Вскоре один из коллег, ответственный за местную спортивную ассоциацию, позвонил мне и спросил, может ли он опубликовать этот текст на их сайте (так сообщение достигло множества людей, занимающихся спортом). Меня по-настоящему впечатлило это событие, поскольку Его присутствие ни с чем нельзя спутать, оно заставляет меня говорить «я», тогда как все остальные говорят о других, о том, что другие должны делать, что другим нужно, и мы, обсуждая политику, отвлекаемся и так в конце концов забываем самих себя. Я, например, заметила, насколько абстрактно мыслят те, кто считает себя конкретным, и насколько, напротив, конкретно то, что зачастую кажется нам абстрактным. Особо меня удивил понедельник. Я вошла в класс, имея в виду весь тот опыт, что пережила благодаря тебе и что так отразился на моем коллеге. Среди моих учеников есть и христиане, и мусульмане, поэтому мы сталкиваемся и с определенными проблемами. Я зашла во время перемены и увидела четырех моих учеников: североафриканца и итальянца и итальянца и североафриканца. Эти две пары друзей – в некотором смысле душа класса. Я осталась под впечатлением, так как осознала ценность исключительного метода, предложенного тобой в сообщении для печати: я должна исходить из того, что вижу, а в этом классе я видела опыт дружбы между ребятами. Так мы начали говорить о парижских событиях. Я прочитала первую часть твоего сообщения, и тут же возникла атмосфера диалога. Некоторые ученики стали кричать: «Нужно послать авиацию, уничтожить их всех», – и подобные вещи. Другие им возражали, но, возражая, они исходили из того, что переживают в классе. И это меня тоже поразило, и я спросила себя, можно ли найти решение для мира, которое не принимало бы во внимание мой класс. Если что-то не истинно, не верно для моего класса, как я могу предлагать это миру? Я задала этот вопрос ученикам. И один из них, мусульманин, сказал: «Я знаю только одно: кто-то может даже взорвать себя в Сан-Дени, но я при всем желании не смог бы этого сделать, потому что дружу с моим соседом по парте, итальянцем, и переживаю другой опыт. Вероятно, люди в Сан-Дени, с таким опытом не знакомы». Тут я в очередной раз поняла: истинно то, что в настоящий момент открывает для тебя путь, дает шанс. То, что не предоставляет тебе шанса сейчас, ложно.

Перед лицом подобных фактов мы должны спросить себя, состоятелен ли, устойчив ли метод Бога. Свидетельства, которые мы услышали сегодня вечером, – это факты, хрупкие цветочки, на первый взгляд – ничто. Но они есть и бросают вызов нашему образу мыслей как ничто другое. Давайте не будем упускать возможность, потому что обстоятельства, в которых мы живем, – это именно возможность. Как видите, вопрос из личной драмы вырастает в драму общественную, и было бы по-настоящему обидно не воспользоваться возможностью чему-то научиться. Вчера опубликовали запись радиоинтервью с одним из тех, кто находился в театре «Батаклан», террористы удерживали его в заложниках два с половиной часа. Журналист спросил его: «Что вы вынесли из экстремальных событий, которые с вами произошли?» – «Я понял, что жизнь висит на волоске, и нужно ценить ее. Мы были живы – и не было ничего важнее этого факта». – «А захватчики вас чему-то научили?» – «Они нуждались в идеале, которого западный мир, где они жили, – а они точно были французами, поскольку свободно изъяснялись по-французски – им не предложил. Поэтому они нашли смертоносный идеал – идеал мести, ненависти и террора <...>. Они слишком поздно поняли, насколько важна жизнь. Я же сегодня осознаю, что каждое мгновение, проведенное с моими родными <...> – это благословение. Простые моменты жизни составляют самое прекрасное из всего, что у нас есть, и мы не отдаем себе в этом отчет до тех пор, пока не случаются такие шоковые ситуации. У меня ощущение, будто я родился во второй раз, и я хочу наслаждаться этой дарованной мне новой жизнью». Неужели мы должны вечно ждать настолько драматичных событий, чтобы пробудиться и осознать реальность? Я спрашиваю каждого из нас. Терракты в Париже вывели нас из оцепенения и породили в нас вопросы, которые мы давно уже себе не задавали. Шоковая ситуация подкосила всех нас – об этом свидетельствуют страх, растерянность и все остальные чувства, о которых мы говорили в последние дни. И все же она представляет для нас возможность. Возможность чего? Как говорит в интервью выживший человек, это возможность осознать, что такое жизнь, понять, что для жизни нам и другим людям необходим смысл, идеал. Нет ничего более важного, чем жизнь и тот факт, что мы все еще живы. Спустя мгновение мы начинаем делать комментарии и упускаем из виду самое очевидное: жизнь подвешена на волоске, мы зависимы в каждую секунду. Некоторые события пробуждают в нас вопросы, но мы сами должны решить, принимать ли их всерьез. Один наш друг из Парижа говорит: «Здесь все пытаются восстановить нормальный ход вещей – чем скорее, тем лучше». Другие рассказывали мне о том, как люди избегают общения, потому что так им не придется обсуждать трагедию. Можно увильнуть от разговоров или же встретить реальную ситуацию лицом к лицу и до конца открыться любым вопросам, которые она может породить. Когда человек осознаёт, насколько тонка нить жизни, он понимает, что бессилён и что комментарии – бессмысленные попытки построить мост. И тут возникает вопрос: мы возвращаемся к привычным пустым комментариям или же случившееся с нами обладает иной природой? То, что с нами произошло, является частью пустоты или же в этом есть хотя бы зерно иной природы? У искры иная природа или нет? Это первое, что мы должны прояснить для самих себя. Наше «непритязательное сообщество» обладает иной природой или же принадлежит пустоте, небытию? И как мы это понимаем? Его иную природу мы видим в том, о чем свидетельствуем, как сегодня вечером. Возможно, кто-то скажет, что наши свидетельства – ничто в масштабах трагедии. Однако все то, о чем говорится в Евангелии, тоже было ничем на фоне грандиозных драм Римской Империи! Именно тут вызов достигает кульминации. Иоанн и Андрей, Закхей, Матфей, самарянка – что они значили в сравнении с римской военной стратегией? Также и перед лицом парижских терактов возникает вопрос: хватит ли искры, достаточно ли безоружной красоты? И с ним каждый должен считаться, его нельзя избежать – только так мы сможем по-настоящему понять разницу. Что с нами произошло? О чем свидетельствуют эти факты, эти цветочки, сколь угодно малые, но настоящие? О чем говорят Иоанн и Андрей, Закхей? Кажется, что ни о чем, а на самом деле их жизни, как и дружба одноклассников из Италии и Северной Африки, уже есть знак победы, которую не способны одержать никакое насилие и никакое «стахановство» ни в одном уголке мира.

Дружба. Примем этот вызов нашему тупому псевдореализму! Ответ на наши вопросы носит не интеллектуальный характер, он не в отвлеченных рассуждениях. Наш ответ, также как для Иоанна и Андрея, как для Закхея, – это присутствие. Истина есть присутствие, и оно не отвечает на все наши вопросы, – так для ребенка ответом на вопросы является присутствие отца, который может не знать всего на свете, но его присутствие избавляет от страха и потому со временем помогает понять. Поэтому подобные обстоятельства ставят нас лицом к лицу с методом Бога и проясняют, как мы слышали сегодня, причины, по которым можно петь, идти в школу, совершать жесты любви – все это «нормальные» занятия, и через них других людей достигает новизна Христа, вера, не лишенная своего исторического содержания. Альтернатива этому – или война, или отчаяние. Однако у нас есть другая возможность, и ее нельзя списывать со счетов; она противоречит нашему менталитету, согласно которому если нам не удастся достичь чего-то здесь и сейчас, значит, мы потерпели поражение. Все потому, что у нас нет осознания времени! Святой Павел, написав послание Филимону, не положил конец рабству, на это потребовалось еще несколько веков, однако он указал на принцип, на истину, и благодаря этому принялся росток, который со временем становился все сильнее – сильнее, чем любой стратег в мире мог бы предположить. Вот почему так важно не упускать моментов, когда наша вера подвергается таким испытаниям со стороны реальности. Это просто необходимо, ведь нам недостаточно только повторять определенные фразы, их нужно проверять. Без проверки не родится субъект, способный бросить вызов ничто, небытию, с которым мы сталкиваемся не только в тех, кто совершает террористические акты, но и вообще повсюду. Лишь так мы поймем, какова наша задача в мире, к чему призывает нас дарованная нам благодать. Мы переживаем крайне важный момент, так что давайте постараемся не упустить его.

В ходе недавнего диалога с ответственными различных регионов стало ясно значение в жизни Движения двух главных инструментов, смысл которых я хотел бы еще раз подчеркнуть.

Школа общины. Прежде всего нам необходимо постоянное место, где можно было бы регулярно выносить суждение о жизни, как мы делали сегодня вечером, о проблемах, трудностях, событиях. Нужно, чтобы школа общины стала именно таким местом, где выносятся суждения о жизни, где не говорят ни о чем другом, где не комментируют. Поговорить о проблемах можно где-то еще. Это должно быть место, где мы можем увидеть, что значит вера, каким образом встреча со Христом озаряет все – не разрешает проблемы, как нам по нашей глупости хотелось бы, а озаряет и дарует нам достойные причины, чтобы мы могли заниматься нашими делами, не впадая в паникерство и не пытаясь убежать. Только когда в нас есть такое сознание, мы можем, наконец, понять, что необходимо делать. Слова, сказанные в сообщении для печати, не отменяют всего остального, они помогают понять, как действовать, исходя из определенного утверждения, которое мы, вслед за Джуссани, постоянно повторяем: Христос пришел не для того, чтобы устранить проблемы, а чтобы помочь нам занять правильную позицию по отношению к ним. Кажется ерундой, но на самом деле именно этим все сказано. И этому нужно учиться. Только тогда мы сможем поддерживать людей в затруднительных ситуациях. Что может быть конкретнее, чем работа на школе общины?

Каритатива. Второй важный инструмент возникает благодаря вопросу о том, как мы можем учиться замечать нашу подлинную нужду и нужду другого. Именно по этой причине наша дружба предлагает нам каритативу. Спросим себя, в какой форме мы ее переживаем. Что предлагают наши общины? Спросим, чтобы не лишиться христианский факт его исторического измерения, потому что именно через эти наши жесты проходит, как мы всякий раз убеждаемся, новый взгляд, который Христос принес в мир. Необходимо помнить о двух вещах. Во-первых, куда бы мы ни шли на каритативу (в центр людей с ограниченными возможностями, в больницу, в тюрьму, на занятия продленного дня), нужно придерживаться указаний ответственного за это место относительно

имеющихся потребностей и способов их удовлетворения. Если нам говорят, что наша помощь нужна в определенный день и час, следует решить, можем мы пойти или нет. Не мы устанавливаем день и час, мы только отвечаем тем, кто несет ответственность в конкретном месте. Это их ответственность – руководить определенным делом, а мы идем туда, чтобы, работая вместе с ними, понять, в чем сами нуждаемся. Во-вторых, помните, что в общине мы должны помогать друг другу выносить суждение о полученном на каритативе опыте. Возможно, стоит раз в год устраивать собрание, посвященное именно этому.

Рождественский плакат. На этот раз Кандинский! «Свободная кривая на точке», неожиданный выбор, застающий всех врасплох. Внимание на картине полностью сосредоточено на той точке, из которой рождается все. Мы выбрали этот образ, чтобы он помог нам смотреть на ту «точку», что имеет решающее значение для каждого из нас. Вот тексты:

Для тебя, для тебя, для тебя, для меня. Действенная, реальная любовь. Любовь исцеляющая, прощающая, поднимающая, заботливая. Когда Иисус входит в жизнь, человек больше не пленник собственного прошлого, он начинает смотреть на настоящее иначе, с иной надеждой. Человек начинает смотреть на самого себя, на свою реальность другими глазами. Он уже не прикован к тому, что произошло. И если мы порой опечалены, подавлены, удручены, в Его взгляде каждый из нас может обрести свое место.

Папа Франциск

Бог, судьба, тайна, начало всех вещей, обрел человеческое лицо – именно так Бог явился миру. Люди, встречавшие Его, рассказывали: «Никто никогда не говорил, как этот Человек». Или: «Да, этот Человек говорит со властью». Бог, тайна, судьба, ставшая человеком, присутствует здесь и сейчас для меня и для тебя, для всех людей, призванных увидеть Его, заметить Его, в лице – в новом человеческом лице, с которым мы вдруг встречаемся.

Луиджи Джуссани

Veni Sancte Spiritus